

1812-1962

ГЕРЦЕН

ЗВУ ЖИВЫМ!

«Vivos vocis»
Эпиграф «Колокола»

В СИБИРСКОМ альбоме Ленина были карточки писателей, чье влияние он особенно сильно испытал на себе. Рядом с Марксом и Энгельсом, Чернышевским и Писаревым там была карточка Герцена.

Ленин родился в тот год, когда умер Герцен. Сочинения знаменитого писателя-революционера царские власти долго держали под запретом. Но их знали в среде молодых радикалов, в первых кружках социал-демократов. Пятый год пробил дорогу собранно сочинений Герцена — неполному и изуродованному цензурой. Попадая за границу, русские революционеры знакомились со многими до той поры не известными им бесценными и запрещенными изданиями.

Раскрытая книга Герцена перед молодым Лениным... Неудобно представить себе, с каким увлечением читал он огненные строки. Они запечатлелись в памяти, помогали выковырять арсенал большевистской публицистики. Вот уже летом семнадцатого года Ленин разоблачает позорные действия Керенского и замечает тут же, что горькие слова Герцена невольно напечатываются на язык...

Как никто другой, Ленин полно оценил все сделанное революционным демократом, мыслителем, писателем, показав, что Герцен сыграл великую роль в подготовке русской революции. Понимать значение передовой теории пролетариата учился также и на примере Герцена. Философскими работами 40-х годов Герцен поднялся — и это в условиях крепостной России! — на такую высоту, что встал вровень с величайшими мыслителями своего времени. Вплотную подошел он к диалектическому материализму и остановился перед историческим материализмом. Но нельзя останавливаться в теории посреди развивающейся действительности! За эту остановку Герцен расплатился духовным крахом.

Путь переделки действительности на началах социализма советскому народу осветила революционная теория. Поэтому так убежденно читают советские люди строки партийной Программы, где подытоживается исторический опыт нашей Родины и утверждается истина: только партия, вооруженная передовой теорией, способна возглавить народ и привести к победе социализма. Когда впервые Ленин высказал эту мысль, он следом же напомнил, что для ее понимания необходимо вспомнить предшественников русской социал-демократии, и первым среди них называл Герцена.

Нам ли, держащим теперь в руках научный плам построения коммунизма, выработанный учениками Ленина, не оценить ищущей, страстной мысли Герцена!

Его величие и его духовную драму, его пламенный натиск на крепостничество и его ненависть к буржуазии с поразительной силой Ленин обрисовал в статье

к столетию со дня рождения. Применительно к статье «Памяти Герцена» он писал как раз те дни, когда зарождалась большевистская «Правда». Ее полуживой облик скоро будет праздновать мы, а с нами — все коммунисты, все честные люди мира. На этом торжестве добрым словом помнят и Александра Ивановича Герцена. Ибо предшественницей рабочей печати была общедемократическая бесцензурная печать с «Колоколом» Герцена во главе. Недаром свою статью (она опубликована 8 мая 1912 года) Ленин завершал гордыми словами о том, что Герцен первый поднял великое знамя борьбы путем обращения к массам с **волевым русским словом.**

В неволе долго было русское слово. Как музу русской поэзии Некрасов угодил краснетьянке, исеченной кнутом на Сенной площади в Петербурге, так можно было уподобить ей и русскую печать. Баргровые полосы цензурных репрессий постоянно вслухали на ее теле. А то и вовсе сжижали со свету передовые издания: вспомните, к примеру, судьбу «Современника».

В 1852 году Герцен из Лондона обратился к «братям на Руси»: «Открытая волновая речь — великое дело; без волновой речи — нет волнового человека... Время печатать по-русски в России, кажется нам, пришло. Вслед за рядом изданий Вольной русской типографии в 1857 году проносится над Россией первый удар «Колокола». Все чаще и чаще — еженедельно — дважды в месяц, еженедельно — были в «Колоколе» Герцен и Огарев. Этим набитым языком говорила вся передовая Россия. К издателям летели письма, тянувшая нескончаемая вереница людей. Перед могуществом свободного печатного слова трепетали тамбовские скотинники в халатах и петербургские скотинники в орденских лентах; «Колокол» гредел над их головами, как вестник возмездия.

Не только Россия узнала Герцена — его узнал бюрократический мир. Из дня сегодняшнего, сквозь прозрачную плену времени, мы с волнением рассматриваем фигуру нашего знаменитого соотечественника в братском кругу представителей освободительного движения той поры. Поляки, французы, англичане, немцы, венгры, итальянцы... Отчего это наши живописцы и графики проходили мимо великопеленной темы: Герцен и Гарибальди! Герцен широко знакомил Европу с Россией и вел дела русских читателей в летописи европейских событий. Нет, он не ждал, когда историческое время уляжется, станет «бывалым и спокойным», он залечивал его звуками, он подвигнул красноречием, когда оно еще «неслось событиями» — все подлежит искусству... Но и искусство имеет свой предел. Есть камень преткновения, который решительное не берет ни смельчак, ни кисть, ни резец; искусство, издвигая над ним, делает карикатуры. Этот камень преткновения — **мещанство.**

Дело в том, что весь характер мещанства с своим добром и злом противен, тесен для искусства; искусство в нем вянет, как зеленый лист в хлоре... Мещанство — последнее слово цивилизации, основанной на безусловном самодержавии собственности, демократизации аристократии, аристократизации демократии; в этой среде Альмавива равен Фигаро; снизу все тянется в мещанство, сверху все само падает в него по возможности удержаться. Американские штаты представляют одно среднее состояние, у которого нет ничего внизу и нет ничего сверху, а мещанские нравы остались.

ЦДРИ несколько сцен из этого спектакля. В заключение вечера состоялась большой концерт мастеров искусства, исполнивших любимые произведения Герцена. Н. ЗЫБИНА.

ИЗДАНО В СССР

За тридцать предшествующих лет сквозь рогатки цензуры смогли пробиться лишь отдельные произведения Герцена. Их общий тираж был равен всего 167 тысячам экземпляров, издаваемых на русском языке. Великий Октябрь открыл им широкую дорогу. Сразу после революции было впервые предпринято издание полного собрания сочинений Герцена. За годы советской власти (до 1961 года включительно) его произведения издавались 49 раз, тиражи их достигли почти восьми миллионов. Странное слово Исидора звучит на 16 языках народов СССР. Кроме того, его произведения издаются у нас на английском, испанском, немецком и французском языках. Только за последние пять лет книги Герцена выдержали 43 издания.

Силами рабочего театра

В Центральном доме работников искусства под председательством Льва Никулина состоялся юбилейный вечер. В гости к работникам искусств приехал коллектив рабочего театра Дворца культуры имени Горьбунова. С увеличением работала в этом коллективе на спектакле «Кто виноват?» М. Агатов и З. Жизневской по одноименному роману Герцена (режиссер Ю. Попович). Коллектив показал на сцене

Около трех лет работал горьковским скульптор П. Гусев над портретом Герцена. Это был давний замысел, возникший еще у студента Института имени Репина за чтением «Былого и дум». Пристальное изучение материалов, поиски образа, многочисленные этюды велись при создании произведения, обратившего на себя общее внимание в залах Всесоюзной художественной выставки. В канун герценовского юбилея наш корреспондент попросил скульптора рассказать о том, что вкладывал он в любимый образ. — Величие мыслителя и революционера! — отвечал П. Гусев. — Это Герцен последних лет своей жизни, с его итогами раздумьями. Отсюда и жесты, и вся постановка фигуры. Ею надо было насытить движением. И как бы вселить живую мысль в мраморную голову... Знаю, что далеко еще не исчерпан этот прекрасный образ. И потому тесно замысел создать и по-новому скульптурный портрет этого удивительного человека...

тератур. Удивительный, по силе пору до конца не разгаданный в литературоведческих лабораториях сплав повествований о времени и о себе; соединение предельной искренности мысли с предельной смелостью чувства; перемноженное мастерство русских живописцев в единичном портрете и голландских — в портрете групповом.

Как не сгорает совершеннейший сплав металлов при химических скоростях, так пронеслась через столетие эта книга (она была завершена в 60-х годах) и осталась нашим спутником и будет спутником наших детей.

Раскрытая книга Герцена — перед грядущими поколениями. Вечный колокольный звон к молодым сердцам.

КАКАЯ была радость — слышать этого человека! Прекрасная «голова», высокий лоб, живые, умные глаза, речь блестящая, полная остроумия, рассказывал Н. Ге. Его речь сверкала, как молния, свидетельствует А. Панаев. Однажды среди иностранцев, в общем зале пансионата,

«Области искусства принадлежат все вселенная, вся история и все лица. Почему Рафаэлю кисть не задрожала от мысли писать Мадонну, и еще больше — придавая ей черты Фортнари? Почему резец Буонарроти не остановился, изображая Моисея?»

«Вы более любите... мир, воспроизводящий жизнь во всей ее истине, в ее глубине, во всех изгибах света и тьмы, словом, мир Шекспира, Рембрандта, — любите его, но разве это мешает вам остановиться перед Аполлоном, перед Венерой? Что за католическая исключительность! Пониманье Бетховена разве отняло у вас возможность увлечься «Севильским цирюльником»?»

«Искусство не брезгливо, оно все может изобразить, ставя на всем неизгладимую печать дара духа извещного и бескорыстно поднимая великую случайность бытия, великий звук и великую форму: сонную лужу под деревом, вспорухнувшую плиту, лошадь на водопое, нищего мальчика, обожженного солнцем, — в уровень Мадонны и полубогов. От дикой, грозной фантазии ада и страшного суда до фламантской таверны с своим отвернувшимся мужиком, от «Фауста» до Фоблаза, от Requiem'a до «Камаринской» — все подлежит искусству... Но и искусство имеет свой предел. Есть камень преткновения, который решительное не берет ни смельчак, ни кисть, ни резец; искусство, издвигая над ним, делает карикатуры. Этот камень преткновения — мещанство.

«Искусство не брезгливо, оно все может изобразить, ставя на всем неизгладимую печать дара духа извещного и бескорыстно поднимая великую случайность бытия, великий звук и великую форму: сонную лужу под деревом, вспорухнувшую плиту, лошадь на водопое, нищего мальчика, обожженного солнцем, — в уровень Мадонны и полубогов. От дикой, грозной фантазии ада и страшного суда до фламантской таверны с своим отвернувшимся мужиком, от «Фауста» до Фоблаза, от Requiem'a до «Камаринской» — все подлежит искусству... Но и искусство имеет свой предел. Есть камень преткновения, который решительное не берет ни смельчак, ни кисть, ни резец; искусство, издвигая над ним, делает карикатуры. Этот камень преткновения — мещанство.

«Искусство не брезгливо, оно все может изобразить, ставя на всем неизгладимую печать дара духа извещного и бескорыстно поднимая великую случайность бытия, великий звук и великую форму: сонную лужу под деревом, вспорухнувшую плиту, лошадь на водопое, нищего мальчика, обожженного солнцем, — в уровень Мадонны и полубогов. От дикой, грозной фантазии ада и страшного суда до фламантской таверны с своим отвернувшимся мужиком, от «Фауста» до Фоблаза, от Requiem'a до «Камаринской» — все подлежит искусству... Но и искусство имеет свой предел. Есть камень преткновения, который решительное не берет ни смельчак, ни кисть, ни резец; искусство, издвигая над ним, делает карикатуры. Этот камень преткновения — мещанство.

«Искусство не брезгливо, оно все может изобразить, ставя на всем неизгладимую печать дара духа извещного и бескорыстно поднимая великую случайность бытия, великий звук и великую форму: сонную лужу под деревом, вспорухнувшую плиту, лошадь на водопое, нищего мальчика, обожженного солнцем, — в уровень Мадонны и полубогов. От дикой, грозной фантазии ада и страшного суда до фламантской таверны с своим отвернувшимся мужиком, от «Фауста» до Фоблаза, от Requiem'a до «Камаринской» — все подлежит искусству... Но и искусство имеет свой предел. Есть камень преткновения, который решительное не берет ни смельчак, ни кисть, ни резец; искусство, издвигая над ним, делает карикатуры. Этот камень преткновения — мещанство.

ПИСЬМО К В. В. СТАСОВУ

«Думаю, что вы совершенно правы в мнении о Брюд-

на, он громко говорил с соответственником. Когда Герцен ушел, один из присутствовавших спросил: «На каком языке говорил этот джентльмен?» «Мы говорили с ним на нашем родном русском языке», — какой же это благозвучный, музыкальный язык! И собеседник Герцена подумал: «Действительно, наш родной русский язык, если только говорить на нем так, как говорил Герцен, едва ли не самый благозвучный и музыкальный».

На берегах Темзы крестьянская Россия была с Герценом — и кровью своего вожака Антона Петрова, и своими кровными песнями. «Не одна в поле дороженька...» — выводит приезжий русский, а в глазах Герцена слезы. Но вот и он, и дети, и гости весело уселись в два ряда на ковре, изображающего гробов, дружно поют: «Вниз по матушке, по Волге...»

Широк и смел был его взгляд на будущее культуры. Дорогами осознательной борьбы — он верил — искусство выйдет к подлинному слиянию с народной жизнью. Как-то раз он был в генде-

лов, а может, и об Иванове. Но мне кажется, что вы не совсем поняли, что я писал («Колокол») и Огарев (в «Полярной звезде») об Иванове. Мы говорили о его высоком честном стремлении, а не о совершенном им. Вы тоже в письме говорите о будущем искусстве (и у Вагнера музыка в будущем или будущего) и об условиях его. Я согласен с вами, но уверен,

догадываетесь, что я говорю о Раффели... Среди строгого чина, царящего на сцене, вобзает женщина среднего роста, худощавая, небрежно одетая, — и все актеры исчезли. Лицо ее трепещет, а взгляд не позволяет вам дышать, и сколько в этом взгляде презрения, гордости... и нежности любви;... а голос, — удивительный голос! — он умеет приглушить ребенка, шептать слова любви и душить врага...»

«Чем больше приглядываешься к великому произведению, тем меньше удивляешься ему; это и неохотимо, — удивление мешало наслаждаться. Пока картина или статуя поражает, вы не свободны, ваше чувство не сладко, вы не чувствовали, не возвысились до нее, не сладко с нею, она вас подавляет, а быть подавленному величием — не высокое эстетическое чувство. Пока человек еще поражен великим произведением, произведения более легкие доставляют более наслаждение, потому что они соизмеримее, даются без труда, в каком бы расположении человек ни был. Что трудного понять, оценить головки

«Чем больше приглядываешься к великому произведению, тем меньше удивляешься ему; это и неохотимо, — удивление мешало наслаждаться. Пока картина или статуя поражает, вы не свободны, ваше чувство не сладко, вы не чувствовали, не возвысились до нее, не сладко с нею, она вас подавляет, а быть подавленному величием — не высокое эстетическое чувство. Пока человек еще поражен великим произведением, произведения более легкие доставляют более наслаждение, потому что они соизмеримее, даются без труда, в каком бы расположении человек ни был. Что трудного понять, оценить головки

«РУССКАЯ МУЗЫКА В ЛОНДОНЕ

Эстетическое нашествие русских звуков идет от победы к победе. Концерты кн. Голицына чисто русские, и в этом-то их серьезное значение. Богатая натура наша высказывается тут с своей мощной стороны. Наша музыка не является скромно

ПОЭЗИЯ БОРЬБЫ

«БОРЬБА—МОЯ ПОЭЗИЯ», — писал Герцен. Слова эти — девиз всей его жизни. В жестокой борьбе приходилось ему, как и другим передовым русским художникам, утверждать демократические принципы искусства. Герцен в своих высказываниях об искусстве — революционер, боец против отживших форм, защитник нового, современного. Острота мысли, блестящая диалектика, глубоко проникающий анализ не оставили камня на камне от тех устаревших представлений об искусстве и его месте в общественной жизни, против которых он направил острие своей критики. Тут сказывалась действительная Герцену принципиальность. Он не мямлил себе никаких отступлений в идеальной области. «Есть наша деятельность», — утверждал он в спорах с либералами-западниками, — была в сфере мышления и пропаганде наших убеждений... Какие же могли быть уступки на этом поле?»

Принципиальности, страстности требовал он и от современности или художников: он считал невозможными или бесплодными писать о любви, к которому не испытываешь ни любви, ни ненависти. Горючей сыновней любовью Герцен любил родину и свой народ. «Я всеми фибрами своей души принадлежу русскому народу, я работаю для него, он работает во мне... Герцен был убежден, что лишь из прочной связи с народом, из верности народу рождается подлинная народность в искусстве. «Поэт и художник», — писал он, — истинных своих произведениях всегда народен. Что б он ни делал, какую бы он ни имел цель и мысль в своей творчестве, он выражает, волею или неволею, какие-нибудь стихи народного характера и выражает эти глубже и яснее, чем сама история народа».

Народность, которую Герцен считал органически присущей истинным художникам, была столь же прочно связана с принципами гуманизма. Гуманизм окривлял все мировоззрение Герцена в яркие цвета жизни, пронизывает творчество, согревает теп-

леском фестивале, когда оратория «Мессия» исполнялась в присутствии английской королевы. Своему собеседнику он признавался: — А знаете, какая музыкальная вещь всего больше поразила меня? Это «Марсельеза», которую пели, двигаясь по парижским бульварам, даждать тысяч блюзников! Никакая оратория не произведет на меня такого потрясающего впечатления... Художник Александр Иванов, прежде чем вернуться из Италии в Россию, заехал в Лондон и пришел к Герцену со своими мучительными раздумьями: влияние христианства, веками питавшего искусство, падало, что же отныне будет одушевлять искусство? — Ищите новые идеалы в борьбе человечества за идею свободы, за человеческое достоинство, за его постоянное совершенствование, за вечный прогресс; вот где должна быть нынешняя руководящая мысль для искусства... Ищите новые идеалы в борьбе человечества за идею свободы, за человеческое достоинство, за его постоянное совершенствование, за вечный прогресс; вот где должна быть нынешняя руководящая мысль для искусства...

Ищите новые идеалы в борьбе человечества за идею свободы, за человеческое достоинство, за его постоянное совершенствование, за вечный прогресс; вот где должна быть нынешняя руководящая мысль для искусства... Ищите новые идеалы в борьбе человечества за идею свободы, за человеческое достоинство, за его постоянное совершенствование, за вечный прогресс; вот где должна быть нынешняя руководящая мысль для искусства...

Ищите новые идеалы в борьбе человечества за идею свободы, за человеческое достоинство, за его постоянное совершенствование, за вечный прогресс; вот где должна быть нынешняя руководящая мысль для искусства...

Ищите новые идеалы в борьбе человечества за идею свободы, за человеческое достоинство, за его постоянное совершенствование, за вечный прогресс; вот где должна быть нынешняя руководящая мысль для искусства...

Ищите новые идеалы в борьбе человечества за идею свободы, за человеческое достоинство, за его постоянное совершенствование, за вечный прогресс; вот где должна быть нынешняя руководящая мысль для искусства...

Ищите новые идеалы в борьбе человечества за идею свободы, за человеческое достоинство, за его постоянное совершенствование, за вечный прогресс; вот где должна быть нынешняя руководящая мысль для искусства...

Ищите новые идеалы в борьбе человечества за идею свободы, за человеческое достоинство, за его постоянное совершенствование, за вечный прогресс; вот где должна быть нынешняя руководящая мысль для искусства...

Ищите новые идеалы в борьбе человечества за идею свободы, за человеческое достоинство, за его постоянное совершенствование, за вечный прогресс; вот где должна быть нынешняя руководящая мысль для искусства...

Ищите новые идеалы в борьбе человечества за идею свободы, за человеческое достоинство, за его постоянное совершенствование, за вечный прогресс; вот где должна быть нынешняя руководящая мысль для искусства...

Ищите новые идеалы в борьбе человечества за идею свободы, за человеческое достоинство, за его постоянное совершенствование, за вечный прогресс; вот где должна быть нынешняя руководящая мысль для искусства...

Ищите новые идеалы в борьбе человечества за идею свободы, за человеческое достоинство, за его постоянное совершенствование, за вечный прогресс; вот где должна быть нынешняя руководящая мысль для искусства...

Ищите новые идеалы в борьбе человечества за идею свободы, за человеческое достоинство, за его постоянное совершенствование, за вечный прогресс; вот где должна быть нынешняя руководящая мысль для искусства...

Ищите новые идеалы в борьбе человечества за идею свободы, за человеческое достоинство, за его постоянное совершенствование, за вечный прогресс; вот где должна быть нынешняя руководящая мысль для искусства...

Ищите новые идеалы в борьбе человечества за идею свободы, за человеческое достоинство, за его постоянное совершенствование, за вечный прогресс; вот где должна быть нынешняя руководящая мысль для искусства...

Ищите новые идеалы в борьбе человечества за идею свободы, за человеческое достоинство, за его постоянное совершенствование, за вечный прогресс; вот где должна быть нынешняя руководящая мысль для искусства...

Ищите новые идеалы в борьбе человечества за идею свободы, за человеческое достоинство, за его постоянное совершенствование, за вечный прогресс; вот где должна быть нынешняя руководящая мысль для искусства...

Ищите новые идеалы в борьбе человечества за идею свободы, за человеческое достоинство, за его постоянное совершенствование, за вечный прогресс; вот где должна быть нынешняя руководящая мысль для искусства...

Ищите новые идеалы в борьбе человечества за идею свободы, за человеческое достоинство, за его постоянное совершенствование, за вечный прогресс; вот где должна быть нынешняя руководящая мысль для искусства...

Ищите новые идеалы в борьбе человечества за идею свободы, за человеческое достоинство, за его постоянное совершенствование, за вечный прогресс; вот где должна быть нынешняя руководящая мысль для искусства...

Ищите новые идеалы в борьбе человечества за идею свободы, за человеческое достоинство, за его постоянное совершенствование, за вечный прогресс; вот где должна быть нынешняя руководящая мысль для искусства...

Рисунок художника А. ПУШКА.

КАК С ЕГО ПЕЧАТНОГО СТАНКА...

ПЕРЕДО МНОЙ «Колокол» Герцена. С глубоким волнением перелистываю драгоценные листы. Заголовок, знакомый до сих пор лишь по воспоминаниям из учебника и научных трудов, открывает номер за номером. Старый шрифт, старая орфография, а слова — немеркнущие, нестарые. Я держу в руках живой документ истории. Возможно ли это? Ведь до нас дошли читательные комплекты «Колокола»! Они, как величайшая ценность, хранятся в крупнейших библиотеках страны, и пользоваться ими можно лишь с помощью микрофильма.

Так было. Теперь «Колокол» вышел за стены книгохранилищ, и каждый может просто взять его в библиотеке или купить. Издательство Академии наук СССР предприняло выпуск факсимильного издания «Колокола». Инициатором выступила созданная при Институте истории Академии наук группа по изучению революционной ситуации в России конца 50 — начала 60-х годов. Руководит изданием академик М. В. Неускина.

Для развития таланта необходимо упорный, выдержанный труд. Ни таланта, ни любви к искусству недостаточно, чтоб сделаться художником; один труд в соединении с ним может что-нибудь сделать.

ЕДИНСТВЕННАЯ в своем роде революционно-публицистическая летопись шестидесяти годов прошлого века, «Колокол» представляет величайшую ценность для науки. Его страницы чрезвычайно поучительны для журналиста, к ним с интересом обратятся историк и философ, писатель, литературовед и лингвист, студент и педагог.

Все 246 номеров «Колокола», вышедшего один и два раза в месяц в течение десяти лет (1857—1867 гг.), сгруппированы в девять выпусков, каждый из которых (кроме первого и последнего) содержит годовой комплект газеты. Десятый выпуск включает в себя приложения к «Колоколу»: листок «Под суд!» и журнал «Общее дело». В одиннадцатом даны указатели ко всему изданию.

Первый выпуск — «Колокол» 1857—1858 гг. — уже увидел свет. Издание должно быть завершено в будущем году.

ИНИЦИАТИВНАЯ группа и редакторы провели большую подготовительную работу. Чтобы определить, какие номера должны быть положены в основу переиздания, нужно было пересмотреть все сохранившиеся комплекты и разрозненные экземпляры «Колокола». Когда это было сделано, встал вопрос: нет ли их в Англии, где Герцен и Огарев печатали газету? Издатели обратились за помощью к директору Славянской библиотеки Оксфордского университета профессору Симмонсу, который любезно сообщил, что, по его сведениям, в Англии действительно уцелели четыре собрания «Колокола». Они бережно хранятся в Британском музее, в библиотеке Кембриджского университета, в Лондонской школе экономики и одно находится в частных руках Швеции, полученное у английского ученого, очень помогли в работе над переизданием.

Немалые трудности выпали на долю полиграфистов: факсимильное издание должно представлять собой максимально точную копию оригинала. Достигнуть этого было очень сложно: «Колокол» печатался на тончайшей бумаге, чтобы газета легко умещалась в специальных ящиках и чемоданах, которые доставляли ее в Россию. Теперь весь текст газеты нужно было воспроизвести в обычной бумаге. Этого достигли с помощью фотомеханического способа. Драгоценные страницы, отнесенные сто лет назад в Вольной русской типографии в Лондоне, печатаются вновь в Первой типографии Академии наук СССР в Ленинграде.

ОТКРОЕМ эти страницы. Вот он, «Колокол», точно такой, каким он был! Он словно только что сошел с герценовского печатного станка... Н. ВАЙНОНЕН.

Юбилейная выставка

В ЦЕНТРАЛЬНОЙ театральной библиотеке в Москве открыта выставка. В экспозиции большое место отведено теме «Герцен и театр». Здесь представлены документы, которые рассказывают о его юбилейных драматургических опытах — «Вильям Пень» и «Личиния», портреты актеров, о которых писал Герцен — театральный критик. Журнал «Иллюстрация» 1848 года открыт на той странице, где опубликована гравюра с изображением великой французской трагедийной актрисы Элизы Рашель, исполняющей «Марсельезу». Далее следуют портреты Михаила Щетинина, Павла Мочалова, Василия Каратыгина. Представлены также мате.